

Б. Н. Тихомиров

**ВНОВЬ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИСУТСТВИЯ
ДОСТОЕВСКОГО НА ПРЕМЬЕРЕ
«ГРОЗЫ» А. Н. ОСТРОВСКОГО**

(ответ Б. В. Федоренко)

«А может быть, обойтись без спора?» — озаглавил свои критические заметки Б. В. Федоренко. Нет, конечно, Борис Варфоломеевич отлично знает мудрость, известную еще древним, — что именно в спорах рождается истина. Но в данном конкретном случае, убежден он, спор излишен, так как истина бесспорно на его стороне, а позиция оппонента — очевидное недоумение. Естественно, я не могу согласиться с такой оценкой. Значит, спор продолжается. Но исключительно с надеждой на то, что в споре родится—таки истина.

Мне не показалась слишком убедительной критика выдвинутой мною гипотезы о предварительном приезде Достоевского в Петербург из Твери в конце ноября — начале декабря 1859 г., высказанная Б. В. Федоренко, хотя надо бесспорно признать, что им сделан ряд острых и важных наблюдений, уточняющих общую картину события, и введены в научный оборот некоторые новые ценные документальные данные, прежде не бывшие в печати. Напротив, внимательно вчитываясь и вдумываясь в контраргументы Бориса Варфоломеевича, критически их анализируя, находя в противовес им дополнительные аргументы в свою пользу, я в конечном счете только укрепился в своем общем видении ситуации.

Для начала хочу отметить, что я основываю свою позицию не на одном каком-то наблюдении, но даю сводку ряда разнохарактерных свидетельств, которые, взаимодополняя и взаимоподкрепляя друг друга, и создают ту конфигурацию фактического материала, которая, как представляется, делает мою гипотезу наиболее приемлемой интерпретацией всей совокупности рассматриваемых данных. Б. В. Федоренко критически отвергает мои аргументы, так сказать, «поштучно». В некоторых случаях соображения Бориса Варфоломеевича, приводимые им новые документальные данные и проч., заставляют меня откорректировать свое первоначальное понимание ситуации. Но далеко не все в критике Б. В. Федоренко представляется мне убедительным. Напротив, как я уже сказал, развернувшаяся дискуссия позволила мне еще более увериться в правомочности высказанной гипотезы. О «плюсах» и «минусах» в позициях сторон, вскрывшихся в ходе возникшей полемики, и пойдет ниже речь.

Процитирую еще раз ключевые места из письма А. Н. Плещеева от 13 декабря 1859 г., которые как будто прямо свидетельствуют о том, что

в не дошедшем до нас письме Достоевского к нему от 10 декабря 1859 г. тот сообщал другу о своей недавней кратковременной поездке в Петербург (и присутствии 2 декабря на премьере «Грозы» в Александринском театре): «Радуюсь, что тебя встретили в Петербурге радушно. <...> Ради Бога сообщи ты мне — правда ли что Спешнев в Петербурге? Видел ли ты его — и что он — переменялся ли?» В этом же письме Плещеев пишет: «Жду нетерпеливо разбора твоего „Грозы“»¹ — «Грозы», которая к этому времени еще не опубликована, но уже поставлена — на московской и петербургской сценах.

Тут для меня немаловажно, что все эти три свидетельства содержатся в одном и том же письме и как бы естественно предполагают единую логику их интерпретации. Но, повторю, Б.В. Федоренко «дезаурирует» их доказательность в пользу моей гипотезы «поштучно». В первом случае он полностью солидаризируется с комментарием первопубликатора этого письма А. С. Долинина, который, впрочем с некоторым недоумением, писал: «„Встретили тебя в Петербурге радушно“; смысл этой фразы нужно понимать, очевидно, не буквально <...> **Может быть:** „встретили радушно“ — литературные круги? Разумеется, **быть может**, положительный отзыв о „Селе Степанчикове“ Ап. Майкова, Дудышкина и еще кого-нибудь из известных писателей?»² Борис Варфоломеевич предположил, что я по недосмотру пропустил этот веский контраргумент А. С. Долинина. Нет, он просто представился мне малоубедительным.

Замечу, что печатных откликов на публикацию «Села Степанчикова» не было (что уже само по себе являлось дурным знаком).³ И речь могла идти исключительно об устных отзывах, которые передавал в письмах к брату М. М. Достоевский. Но сразу надо указать, что, во-первых, реакция первых читателей «Села...» (еще по рукописи) была далеко не однозначной (так, получив известие о негативной реакции со стороны Некрасова и круга «Современника» в целом: «роман им не понравился очень»⁴, — Достоевский чуть не в отчаянии писал брату, что его «роман оплеван»: «Он оплеван, и, появившись он теперь не в „Современнике“, его оплюют еще больше» — 281; 347, ср. 348). Во-вторых же, Михаил Михайлович сообщал брату о читательских реакциях — в том числе и положительных: Майкова, Краевского — в письмах от 11 и 21 октября; последнее известное нам, половинчатое суждение Гончарова («Роман хвалил, с оговорками. Какими не знаю») М. М. Достоевский сообщает в письме от 23 ноября.⁵ В свете этих данных трудно представить, что обсуждение читательской

¹ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Изд-во АН СССР. Л.: 1935. С. 449–450.

² Там же. С. 488–489.

³ Правда, Б. В. Федоренко приводит краткий, в три с половиной строки, анонс в С.-Петербургских ведомостях от 21 ноября 1859 г., где «Село Степанчиково» охарактеризовано как «весьма замечательный роман». Но неужели такие мелочи мог обсуждать Достоевский в своей переписке с другом?

⁴ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. С. 521.

⁵ Там же. С. 532.

реакции на публикацию «Села...» возникает в переписке Достоевского и Плещеева 10–13 декабря. А главное — что у писателя были достаточные основания сообщать в Москву, что роман в Петербурге «приняли радушно». К тому же одновременно Михаил Михайлович сообщал брату об отрицательной оценке тем же Краевским повести «Дядюшкин сон» (которую тот «не мог дочитать»⁶). Так что естественнее было бы ожидать в письме Плещеева фразы: что «Село Степанчиково» «встретили в Петербурге радушно». Он же пишет: «что тебя встретили...» В придачу, если понимать это выражение «не буквально» (Долинин), подразумевая реакцию «литературных кругов», то «встретили» Достоевского в Петербурге не с «Селом Степанчиковым», а гораздо раньше — с «Маленьким героем» и «Дядюшкиным сном» — гробовым молчанием. В силу всего сказанного с прочтением загадочной фразы А. С. Долининым и Б. В. Федоренко согласиться мне более чем трудно. Но как же тогда истолковать ее иначе?

Гораздо более весомыми, важными представляются мне наблюдения и соображения Б. В. Федоренко, когда он «дезауирует» доказательность в пользу моей гипотезы второго из процитированных мест этого плещеевского письма: «Ради Бога сообщи ты мне — правда ли что Спешнев в Петербурге? Видел ли ты его?» Хотя Достоевский получает и читает это письмо 18 декабря еще в Твери, но, действительно, — в этом мой серьезный промах — послано оно было Плещеевым из Москвы 13 декабря уже в Петербург, куда и прибыло (на адрес М. М. Достоевского) 14 декабря. Получив известие о планируемом на 15 декабря отъезде семейства Достоевских из Твери и опасаясь, что из-за нерасторопности почты его письмо может уже не застать писателя по старому адресу, Плещеев с опережением отправляет его в столицу. Значит, вопрос «видел ли ты Спешнева?» может иметь смысл не только ретроспективный, но и иной — видел ли ты его *по приезде* в Петербург? В этом Б. В. Федоренко совершенно прав. Впрочем, в этом случае, мне кажется, фраза как-то иначе должна была бы быть построена. Скажем: видел ли ты его *уже*? Или: *Слышал ли ты об этом?* (ведь предполагается, что Достоевский прочтет это письмо сразу же по приезде в Петербург). Но это, конечно же, лишь стилистические нюансы, не имеющие никакой доказательной силы. Однако вот что хочу заметить: прочтение Б. В. Федоренко вполне возможно, но отнюдь не отменяет и противоположный — мой — вариант интерпретации этих строк. Особенно — поддержанный тут же содержащейся фразой, о которой шла речь выше: «Радуясь, что тебя встретили в Петербурге радушно».

И наконец, третье место из этого же плещеевского письма — о намерении Достоевского написать «разбор „Грозы“» (статью или, может быть, лишь отзыв в письме к корреспонденту), однозначно свидетельствующее, что писатель *видел пьесу Островского на сцене*, — тут мы едины с Б. В. Федоренко, но расходимся в выводах: на московской или на петербургской? Причем мое предположение (о поездке Достоевского в Петербург около 2 декабря — дата премьеры «Грозы» на столичной сцене) очевидно

⁶ Там же. С. 526.

оказывается более предпочтительным, так как лишь *дополняет* данные «Летописи жизни и творчества Достоевского», не вступая в противоречие с иными известными специалистам фактами, в то время как предположение Бориса Варфоломеевича о поездке писателя в Москву в середине ноября (дата московской премьеры — 16 ноября) вступает в решительное противоречие с рядом документальных данных, свидетельствующих, что писатель ездил в первопрестольную на неделю раньше — 4–8 ноября, — данных, для опровержения которых Б. В. Федоренко по необходимости и вынужден выдвинуть *новую* гипотезу, которая возникает и имеет смысл единственно в качестве поддержки гипотезы первой.⁷ Повторю еще раз: я по-прежнему отдаю предпочтение своей гипотезе перед гипотезой Б. В. Федоренко именно потому, что она не вступает в противоречие ни с какими иными известными науке о Достоевском фактическими данными.

Но как раз в этом пункте Борис Варфоломеевич вновь предпринимает попытку опровергнуть мою позицию. Он приводит важные документальные данные, которые интерпретирует как убедительное доказательство опрометчивости, поспешности высказанной мной гипотезы. Однако при ближайшем рассмотрении аргументы моего уважаемого оппонента лишь заставили меня отказаться от некоторых неточных заявлений, имеющих для обоснования моей гипотезы вполне частный характер; но, — с другой стороны, — напротив, в конечном счете, именно в свете осуществленной Б. В. Федоренко скрупулезной разработки документальной базы вопроса я сам лучше увидел и намерен продемонстрировать это в дальнейшем изложении, что существующая фактология этого периода жизни Достоевского делает мою гипотезу еще более доказательной.

Выдвигая свою гипотезу, я привел данные, однозначно свидетельствующие о том, что в ноябре 1859 г. Достоевский — в ожидании окончательного вердикта по вопросу о его переезде на постоянное жительство в Петербург — предпринимал энергичные шаги с целью получить от властей дозволение на кратковременную поездку в столицу. Завершая разработку этого аспекта, я так сформулировал итоговый вывод: «Очевидно, это дозволение Достоевскому (который, напомню, пользовался поддержкой таких влиятельных лиц, как Э. И. Тотлебен и тверской губернатор граф П. Т. Баранов) было дано, и он им незамедлительно воспользовался». Именно это утверждение во всеоружии документальных данных и опровергает Б. В. Федоренко: «Никакого дозволения не было». С его аргументацией в этом пункте я теперь не могу не согласиться. Но что же из этого следует?

Да, приводимые Б. В. Федоренко документы (частью впервые вводимые им в научный оборот) свидетельствуют, что к тому времени, когда

⁷ Напомню, что Б. В. Федоренко отказывается считать авторскими даты на двух письмах Достоевского к брату Михаилу и сестре Варваре, настаивая, что их ошибочно, «на глазок» вписала, разбирая архив мужа, Анна Григорьевна. Даты эти (в обоих письмах) — 12 ноября 1859 г. В письме к сестре Достоевский сообщает, что он уже четыре дня как вернулся из Москвы. Вот это-то свидетельство и пытается дезавуировать Б. В. Федоренко. Его датировка письма к сестре — 20 ноября 1859 г.

в высоких столичных кабинетах рассматривалась просьба Достоевского о дозволении ему кратковременного приезда в Петербург, вопрос этот потерял свою актуальность, так как уже последовало монаршее соизволение на постоянное жительство писателя в столице. 19 ноября Достоевский отправляет письмо-ходатайство начальнику III Отделения В. А. Долгорукову о дозволении на кратковременный предварительный приезд в столицу. Но уже 22 ноября по докладу Императору того же Долгорукова главный вопрос — о переезде писателя в столицу на постоянное жительство — получил окончательное положительное решение: Достоевскому дано «ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение проживать в Санкт-Петербурге». 25 ноября его об этом официально уведомляет тверской губернатор граф Баранов. И лишь 27 ноября на полях ходатайства писателя о побывке появляется резолюция Долгорукова: «...что касается до самого Достоевского, то просьба его уже решена...» «Не случайная [? — Б. Т.] поездка в столицу, — резюмирует представленную динамику в развитии событий Б. В. Федоренко, — но переезд вместе с женой Марией Дмитриевной и пасынком Павлом».

Все сказанное Борисом Варфоломеевичем в этой части вполне справедливо. Но вот тут-то и обнаруживается серьезнейшая проблема. В середине ноября Достоевский буквально рвется хотя бы на короткое время приехать в Петербург. В эти дни он даже намерен был самовольно, не имея разрешения, приехать в столицу. Но его отговорил от этого рискованного шага граф Баранов: «чтоб я не повредил себе, — как писатель в эти же дни сообщает Врангелю, — самовольно воспользовавшись правом, о котором еще так недавно просил и до сих пор не получил ответа» (281; 378). Причем у Достоевского были для такой поездки и серьезные финансовые причины (в частности, планируемые личные переговоры с графом Г. А. Кушелевым-Безбородко об издании его сочинений). Этот его порыв всячески поощряет и брат Михаил. 23 ноября, узнав об отправленном Достоевским ходатайстве на имя Долгорукова, он пишет: «Если получишь позволение приехать на время в Петербург, то не медли пожалуйста. Так сильно хочется всем нам обнять тебя»⁸. Это письмо Достоевский должен был получить накануне или день в день с получением известия о том, что ему разрешено жительство в столице.

И вот — свершилось! Повторю: 25 ноября 1859 г. писатель официально извещен, что ему даровано «ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение». И что же? Имея теперь полное право на беспрепятственный и законный въезд в столицу, он почему-то медлит и планирует переезд лишь через *три недели*. Почему же?

Да, конечно, как указывает Борис Варфоломеевич, необходимо было оформить какие-то документы, сделать прощальные визиты, распродать какой-то домашний скраб — мебель, посуду и проч. (проще купить все новое в Петербурге). Но как-то плохо эта трехнедельная пауза согласуется с тем, как буквально за несколько дней перед этим страстно рвался Достоевский в столицу хотя бы на несколько дней. Время на оформление

⁸ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. С. 532.

необходимых документов? Но в первой половине ноября писатель, нарушая запрет, самовольно ездил в Москву без всяких документов. Визиты? Скарб? Но неужели это первоочередная задача, когда впереди еще целые три недели? И почему — три недели? Не логичнее ли предположить, что, оставив все это на «потом» (а распродажей скарба вполне могла и без него заниматься Мария Дмитриевна), не имея теперь к этому ровным счетом никаких препятствий, Достоевский практически сразу же предпринимает поездку в Питер. Решить первоочередные задачи и, так сказать, «подготовить плацдарм». И поездка эта приходится на последние числа ноября — начало декабря. Я не вижу ни одного веского возражения в заметках моего уважаемого оппонента против такой версии хода событий.⁹ Кстати, отсутствие переписки братьев Достоевских (и даже косвенных свидетельств, что такая переписка имела место) за период с 23 ноября по 14 декабря такую картину тоже как будто подтверждает.¹⁰ Равно — отсутствует за этот же период переписка Достоевского и с другими его корреспондентами. Единственное исключение — письмо (тоже несохранившееся) Достоевского к Плещееву от 10 декабря 1859 г. Но оно, по моей гипотезе, написано уже после и *под впечатлением* от поездки в Петербург. Кстати, именно в этом письме *впервые* обсуждается намерение Достоевского вступить в коммерческие отношения с московским издателем Н. Основским — продать ему право на издание собрания своих сочинений. В октябре–ноябре М. М. Достоевский (при посредстве А. Н. Майкова) ведет предварительные переговоры об издании сочинений брата в Петербурге, с графом Г. А. Кушелевым–Безбородко. 19 ноября Достоевский пишет Врангелю, что кратковременный приезд в Петербург ему необходим в том числе и для личных переговоров с графом. Но в декабрьских письмах об этом «кушелевском» проекте уже нет и речи, а энергично обсуждается план издания собрания сочине-

⁹ Единственно, что с чрезмерным акцентом подчеркивает Б. В. Федоренко, — это слова, высказанные в письме Михаила от 16 декабря 1859 г. после несостоявшейся встречи на вокзале: «Мы все и твои знакомые ждем тебя с **крайним нетерпением**». Если братья виделись в Петербурге и расстались всего полторы недели назад, то в чем причина такого нетерпения? — как бы спрашивает мой уважаемый оппонент. Я не могу принять это наблюдение как серьезный аргумент. Ведь речь идет отнюдь не о десятилетней разлуке. Братья уже дважды встречались в Твери, куда специально приезжал Михаил, и в последний раз они расстались в середине сентября 1859 г. В таком случае, в логике Б. В. Федоренко, странным можно расчесть и признание М. М. Достоевского в письмах к брату от 15–16 октября: «**Если б поскорее увидеться**» и от 17 октября: «**Меня уж берет нетерпенье поскорее тебя увидеть**». Ведь и здесь так же можно выразить удивление: в чем причина такого нетерпения, если они виделись всего месяц назад? В письме же от 16 декабря его эмоциональный настрой дополнительно обусловлен атмосферой ожидаемой, но *несостоявшейся* встречи.

¹⁰ Впрочем, это аргумент не абсолютный: далеко не вся переписка братьев за тверской период сохранилась. Очевидно, что Достоевский должен был написать Михаилу сразу же по получении официального уведомления о монаршей милости; в этом же письме он должен был бы сообщить и о своих ближайших шагах. Также известно, что не сохранились письма Ф. М. к брату от 14 и 15 декабря, где он сообщает о задержке с выездом из Твери в связи с болезнью. Но это все крайние даты описываемого периода. О существовании же переписки между братьями по крайней мере в течении двух с половиной недель с конца ноября по середину декабря у нас нет даже косвенных свидетельств.

ний в Москве, у Н. А. Основского. В чем причина такого крутого поворота, который определился именно в письме к Плещееву от 10 декабря? Похоже, — опять же в свете моей гипотезы, — что личные переговоры Достоевского с Кушелевым-Безбородко в Петербурге почему-то не дали ожидаемых результатов.

Отмечу в этой связи еще одну небезынтересную деталь, содержащуюся в письме Плещеева к Достоевскому от 13 декабря 1859 г. Давая своему тверскому корреспонденту отчет о переговорах с издателем Нилом Основским, переговорах, которые, как можно понять, он ведет по просьбе Достоевского, содержавшейся в письме последнего от 10 декабря 1859 г., Плещеев сообщает: «Он (Основский. — Б. Т.) дает тебе две тысячи сереб<ром>, как и говорил Милюкову...»¹¹ Удивительно, что, обычно столь цепко внимательный к подобного рода деталям, Б. В. Федоренко, цитируя в своих заметках приведенный текст, опускает (обозначив выпуск отточием в угловых скобках) выделенное мною попутное замечание-подтверждение Плещеева: «...как и говорил (Основский. — Б. Т.) Милюкову». Мне же как раз представляется, что оно существенно для нашей темы и заслуживает пристального внимания.

Важно, что эта отсылка к какому-то разговору между Н. А. Основским и А. П. Милюковым, в котором затрагивался вопрос об условиях издания сочинений Достоевского, сделана как бы вскользь: не раскрыта и не прокомментирована. Корреспонденты в этом пункте вполне понимают друг друга с полуслова. Резонно предположить, что сообщение о предварительных переговорах между Милюковым и Основским содержалось в несохранившемся письме Достоевского от 10 декабря 1859 г., на которое и отвечает Плещеев, подтверждая достоверность сообщенных ему писателем сведений. Но тут-то и возникает вопрос: а откуда узнал об этих переговорах сам Достоевский?

О переписке между Милюковым и Достоевским в период пребывания писателя в Твери у нас нет никаких данных. Возможно, о переговорах с Основским — со слов Милюкова — сообщил Достоевскому брат Михаил Михайлович? Но выше уже отмечалось, что у нас нет данных о переписке братьев за период с 23 ноября по 14 декабря. Что же остается? В контексте приведенных выше наблюдений и соображений только одно: что о предложении Основского, с которым он, по-видимому, встречался во время своей поездки в Москву, сообщил Достоевскому *сам же Милюков* во время одной из их личных встреч в Петербурге...

И еще. Я написал выше, что Достоевский ездил в Петербург в том числе и для того, чтобы «подготовить плацдарм». Полагаю, что и квартиру в доме Н. А. Палибина в 3-й Роте Измайловского полка присмотрел во время этого приезда он сам.¹² Дело в том, что домовладелец Никифор

¹¹ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. С. 448.

¹² Именно поэтому в письме от 16 декабря Михаил сообщает о снятой квартире как о чем-то брату уже хорошо известном: нет ни слова ни об адресе, ни о планировке и т. п. Конечно же, вне гипотезы о кратковременном приезде Достоевского в Петербург в начале декабря 1859 г., соображение о том, что квартирный вопрос был предварительно

Алексеевич Палибин (1811–1861) в 1840-е гг. был преподавателем Достоевского в Главном инженерном училище (вел занятия по законоведению). Допустить, что Михаил Михайлович, подбирая квартиру для брата и его семьи, «случайно» остановил свой выбор на доме бывшего преподавателя брата, с которым у него, Михаила, не могло быть никаких отношений, значит слишком переоценить роль случайности. А вот допустить, что у Федора еще с 1840-х гг. были с Н. А. Палибиным какие-то отношения и этим, возможно, был обусловлен выбор им дома в 3-й Роте Измайловского полка, мне представляется гораздо более предпочтительным.

Есть и еще один факт, заслуживающий обсуждения. 30 ноября 1859 г., на четвертом заседании Литфонда, А. Е. Краевским и К. Д. Кавелиным была предложена в «члены сего Общества» кандидатура Ф. М. Достоевского.¹³ Нельзя ли предположить, что этот шаг был сделан не заочно (в переписке об этом нет ни слова), а инициировал свое вступление в члены Литфонда сам писатель по приезде своем в Петербург. Впрочем, я отнюдь не настаиваю на высказанном предположении, просто обращаю внимание на то, что целая серия разнообразных фактов органично укладывается в высказанную мною гипотезу.¹⁴

И последнее. В статье с разбором пьесы Островского «Гроза», которую мы с Б. В. Федоренко равно считаем возможным приписать перу Ф. М. Достоевского, наряду с замечанием автора о впечатлении от премьерной постановки «Грозы» упомянута как исполнительница роли Катерины актриса петербургского Александринского театра Ф. А. Снеткова. Я согласен с замечанием Бориса Варфоломеевича, что текст статьи не дает абсолютных оснований утверждать, что автор разбора видел эту актрису в роли Катерины именно на премьере 2 декабря 1859 г. Конечно, отвлеченно-теоретически (исходя лишь из текста разбора «Грозы», опубликованного в «Светоче») можно допустить, что автор мог видеть и премьерный московский спектакль с Л. П. Никулиной–Косицкой в главной роли и, гораздо позже, петербургский — с Ф. А. Снетковой.¹⁵ По общему мнению, московская исполнительница роли Катерины играла гораздо сильнее петер-

решен братьями *по переписке*, рождается как бы само собой, так сказать «по умолчанию». Но подчеркну, что у нас нет никаких документальных данных, позволяющих утверждать эту версию категорически и однозначно.

¹³ Летопись жизни и творчества Достоевского. Т. I. С. 279.

¹⁴ В РО РНБ хранится «Список лиц, предлагаемых Комитетом Общества <...> в члены сего Общества», с пометами о том, что Список этот был объявлен членам 22 декабря 1859 г. (см.: Рукописи Ф. М. Достоевского [в РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова–Щедрина]: Каталог / Сост. Р. Б. Заборова. Л., 1963. С. 24) Если здесь речь идет об объявлении *вновь принятым членам* об утверждении их членства, то этот факт можно рассматривать как косвенное свидетельство, что к 22 декабря Достоевский уже был в Петербурге.

¹⁵ Хотя мне совершенно непонятна фраза Б. В. Федоренко: «Возможно (?), автору разбора „привелось“ слышать также и Снеткову, впрочем и о Снетковой — „на днях“». Текст разбора, как мне представляется, однозначно свидетельствует, что «автор разбора» *видел* Снеткову на сцене в роли Катерины, причем контекст упоминания о ее исполнении последнего монолога Катерины не дает ровным счетом никаких оснований утверждать, что впечатления от игры Снетковой в этой роли имели место у «автора разбора» «на днях».

бургской.¹⁶ По оценке выдающейся актрисы Г. Н. Федотовой, Никулина-Косицкая «была совершенная Катерина с громадною искренностью и простотою чувства». Но именно это обстоятельство, как мне представляется, становится еще одним дополнительным аргументом в мою пользу. Автор разбора «Грозы» пишет: «Не нравится нам только предсмертный монолог Катерины: с ним едва ли совладела бы и не такая актриса, как г-жа Снеткова». Если бы автор видел и другую, московскую, Катерину — в гораздо более сильном исполнении Никулиной-Косицкой, то в таком контексте, — где речь идет не об актерском мастерстве, а о промахе драматурга, — он, очевидно, должен был бы упомянуть и ее, сравнив — сопоставив или противопоставив двух актрис в этом эпизоде. Но он об «и не такой актрисе, как г-жа Снеткова», говорит в сослагательном наклонении («едва ли совладела бы»), вполне безлично-абстрактно. Видимо, все таки автор присутствовал лишь на единственном спектакле — петербургской премьере с Ф. А. Снетковй в главной роли. А это вновь оказывается подтверждением высказанной мной гипотезы о поездке Достоевского в Петербург в конце ноября — начале декабря 1859 г.

В заключение же с грустью должен констатировать. В жару полемики о присутствии Достоевского — на московской или петербургской премьере «Грозы» как-то отошло на второй план, что главным предметом, который обсуждался в наших с Б. В. Федоренко публикациях шестилетней давности, была гипотеза моего уважаемого оппонента о том, что возможным автором разбора пьесы Островского, опубликованного в журнале «Светоч», был не М. М., как обозначено в журнале, а Ф. М. Достоевский. И пафосом моих заметок была горячая поддержка этой *основной* гипотезы Б. В. Федоренко, в пользу которой я стремился найти дополнительные аргументы. Грустно констатировать, что о нашей принципиальной солидарности в этом кардинальном пункте в критическом отклике Бориса Варфоломеевича, увы, нет ни полслова и что не знакомый с предысторией полемики читатель даже и предположить не может, следя за страстной полемической аргументацией Б. В. Федоренко, что в той старой публикации моим пером прежде всего двигало желание заострить внимание специалистов на серьезности и основательности смелой гипотезы исследователя о подлинном авторе разбора «Грозы».

¹⁶ См. также сопоставление московского и петербургского спектаклей в письме к Достоевскому Плещеева: «Жду нетерпеливо разбора твоего „Грозы“. Здесь [в Москве] она сыграна — безукоризненно. Это верх художественности в исполнении — по-моему. В Петербурге же говорят кроме Мартынова — все ниже посредственности». В опубликованных заметках по поводу этого пассажа я замечал, что Плещеев пишет Достоевскому о московской постановке «Грозы» как о чем-то, чего тот не видел. Кстати, и предпочтение, которое, как можно понять, в письме к Плещееву от 10 декабря Достоевский отдал «Горькой судьбине» Писемского перед «Грозой», также косвенно свидетельствует, что он, очевидно, видел не лучшую постановку пьесы.